

Он только что похоронил отца, знаменитого художника. Те, кто постарше, не могут не помнить прекрасных иллюстраций к "огоньковой" прозе, выполненных Петром Караченцовым.

- У него была совершенная рука. Однажды мне, мальчишке, один из его друзей доверительно шепнул: "Знаешь, Коля, твой отец удивительный рисовальщик..." Конечно же, я горжусь своей фамилией, горжусь отцом. Хотя (но это не имеет теперь никакого значения) мама разошлась с ним сразу же после моего рождения и у меня не может быть сентиментальных воспоминаний о том, как спросонья, хлопнув по попке, отец сказал бы: "Колька, вставай, уже утро..."

жите, как вы, человек основательный, принципиальный, относитесь к мнению Марины Цветаевой об актерской профессии как о чем-то вторичном? Вам не обидно?

- Думаю, что Цветаева зависила - мы третичны. Потому что и впрямь сначала писатель напишет, потом режиссер этим написанным должен увлечься, потом он мне предложит какую-то роль, именно мне, а не кому-то другому, и желательнее, чтобы в том возрасте, когда я могу это играть на сцене, а не тогда, когда уже поздно. И даже когда я, актер, прошлагаю по этим ступенькам, еще не ясно, получится у меня что-нибудь или нет. Так что вопрос сложный, тонкий, ответ на него зависит от многих об-

стоятельств. От того, например, что за человек этот актер, какие у него отношения со временем, с людьми, с искусством.

Резюмируя, я прекрасно знаю одно: да, после меня не останется ни художественного полотна, ни строчки литературного произведения, но ни один живописец, ни один писатель не имеет возможности того, что умею я, - ежевечерне отдаваться зрителю, играть для него, волновать его душу и сердце. А если к тому же между мной, актером, и зрительным залом что-то выискривается, то искра эта Божественная и ради нее стоит жить. И быть на сцене.

- Что ж, прекрасный монолог в защиту театра! А были ли в вашей практике случаи, когда приходилось соглашаться на то, что душой не принималось, - роль, пьеса, сценарий?

- Видите ли, когда я начал сниматься в кино, я не просто соглашался, я хватался за все, что мне предлагали, и мне было плевать, совпадает ли моя гражданская позиция со словами, которые я произношу. Я заканчивал институт малоопытным, зеленым дебютантом, и мне надо было набивать руку, входить в неведомый мир под названием кинематограф. Но потом у меня появилась возможность отказываться от многого, что мне не подходило, меня не подкупало, чему я не верил. Я не помню случаев компромисса и

которых театр не имел бы такой оглушительной славы.

- Пожалуйста, хотите знать, например, как появилась на сцене Ленкома "Юнона и Авось" Андрея Вознесенского? Как-то на гастролях в Таллине я столкнулся с поэтом и его женой Зоей Богуславской. Зоя мне и шепнула: "Коленька, Андрей для вас пишет пьесу". Я, конечно, затрепетал, спасибо, ну и пошел дальше. А потом, когда он принес пьесу о пронзительной любви Кончиты - и все это происходит в Америке, на Аляске, - я был счастлив.

- Удача? Случай?

- Знаете, все как бы сошлось. Звезды светили. Всем, не только мне, Андрею, Захарову, театру. А как великолепно, сумасшедшая в "Юноне и Авось" музыка Алексея Рыбникова! Вообще в пьесе, а точнее в рок-поэме Вознесенского, Марк Анатольевич, человек огромного дарования, превзошел себя.

ло, студентом Школы-студии МХАТ я, как говорится, худой и бледный, влез в подвернувшийся костюм и сыграл в сцене суда.

- А почему в ваших руках оказалась гитара, которая подарила вам еще одно амплуа?

- Помните то время, когда гитара была каким-то всеобщим сумасшествием. Ни одна компания не обходилась без песен под гитару. Вот и я на первом курсе взял первые аккорды. Приходил к нам тогда и Владимир Высоцкий, еще не Высоцкий, а начинающий актер и певец, и орал свои песни на третьем этаже лестничной клетки. Я слышал, как играл на гитаре Александр Никольский и другие старики той школы, которая от цыган, от "Яра", и я чего-то там пытался под них подстроиться. Ну а потом спасибо тому же Марку Анатольевичу, который заставил меня пять под гитару на сцене.

- Но у вас и голоса-то особого нет, а поклонников вашего музыкального амплуа премного. Один мой знакомый считает Караченцова российским Ивом Монтаном.

- Мне до него тянуться и тянуться. С моим-то сипом. Мы больше зубами берем. (Гримасничает.) Это пусть Паваротти с белькантами своими мир берет в охапку. А если серьезно, моя задача сыграть песню.

- Кстати, приезд Монтана помните, когда вся Москва стояла на ушах?

- Только по рассказам мамы о том, как он заехал в ухо своему звукорежиссеру - чего-то певцу не понравилось.

- Ваш Ленком прямо-таки семейно-родственный оазис. У Захарова - дочь актриса, у

ЖЕНА - ЭТО НАРКОТИК

Я заметил, что мой собеседник не очень-то настроен на грустно-элегический лад и, воспользовавшись тем, что он бросил на стол пачку сигарет, переключил тему:

- "Прима"? Экономите, Николай Петрович, "перешивка платяжей" и по вашему кошелку ударила?

- Дурная привычка. Всю жизнь ее, милую, куру. Хотя для гостей держу элитный ассортимент.

- Вы, наверное, и водочку митингского розлива употребляете? Поддерживаете образ крутого, в доску своего парня?

- Нет, тут уж как раз ценю изделия качественные. О самой роскошной водке в мире под названием "Стерлинг" не слышали? Иногда перепадает и она. Раньше предпочитал "Абсолют", но, когда понял, что наполовину ее гонят где-нибудь в Жмеринке, завязал. Лучше нашего лефортовского "Кристалла" нет... Что еще из моих дурных привычек интересует читателей "Мира новостей"?

- Да, пожалуй, наркотики остались. Как по части этой лицевой слабости? Монро, Пресли, Высоцкий... Хоть разок-то попробовали?

- Это что же, признаюсь, так и ОМОН прискачет. В "Матроску" отвезут... Нет уж, дудки. Да, было и впрямь раз в жизни, в Америке, когда мне предложили вскуить кокаинчика. "Что за радость-то такая", - подумал я и вслед за совратителем спустился в подвал ресторана. Какие-то бочки, косые взгляды, все озираются - не нагрянула бы полиция. Мне объяснили: самый кайф, дескать, насыпать порошок в новый доллар, свернуть трубочкой и (делает выдыхательное движение в сторону левой ноздри) занюхать, засосать. Занюхал, засосал... Хоть бы хны. Чегой-то, говорю, не берет. А сами уже блаженствуют, кайфуют. Предлагают: давай еще. Отнекиваюсь, читал, говорю, в книжках, что к этому можно привыкнуть. А я не хочу... Ну вас на фиг. Вот и все мое знакомство с наркотой.

- Ладно, шутки в сторону. Понимаю, главный наркотик всей вашей жизни - театр, сцена. Ска-

не кичусь этим. Потому что и здесь для актера не может быть гарантии абсолютного успеха. Роль на сцене или в кино - это миллион слагаемых. Главное - не терять творческого лица, не наносить своему имиджу морального ущерба.

- А когда началась полоса уверенности в себе и вы почувствовали, что можете многое?

- Никогда. Как только я перестану волноваться, как только почувствую, что умею все, уйду со сцены. Но, надеюсь, такого не случится. Уж слишком много ориентиров. Скажем, вы не представляете, как волновалась перед каждым выходом на сцену Татьяна Ивановна Пельтцер, царство ей небесное. А Евгений Леонов? Да я полагаю, что многие мои нынешние коллеги не слишком-то уверены в себе, несмотря на высокие звания, популярность, сценическое мастерство. Каждый раз мордой об стол - вот что такое для меня любой выход к зрителю.

- Не преувеличиваете, не скромничаете? А как же творческая уверенность в себе, без которой нет актера, а как же заветный идеал, к которому должен стремиться любой?

- Да, согласен, надо стремиться уметь делать на сцене все, но я никогда этому не научусь. Ведь совершенству нет границ.

- По отзывам критиков и зрителей, многие актеры Ленкома - первоклассные мастера своего дела, а некоторые, например Инна Чурикова, что называется, с прорывами в гениальность.

- Не провоцируйте меня на характеристики моих ленокмовских коллег, это полузапрещенный прием, это как бы ниже пояса. Да, Чурикова - уникальная актриса, преданнейший друг, вернейший человек, удивительная женщина... Всех остальных я готов обсуждать с вами за бутылкой водки, и обо всех я буду говорить примерно так же, как об Инне, но только не для печати.

- Спасибо, Николай Петрович, ловлю на слове. Хорошо, давайте о ваших ленокмовских авторах, без

- Вашим работам на сцене Ленкома тепло и уютно. Театр - как дом, и каждый вечер вы ждете гостей. А скажите, кто увидит талантливый фильм режиссера Бортко, в котором вы играете главную роль, "Цирк сгорел, и клоуны разбежались..."? Я слышал о нем восхитительные отзывы.

- Да, это фильм о некоем художнике-кинорежиссере, который, выпав из старой жизни, в новую не вписался. Фильм трагичный. Он о многих и о многом. Сценарий написан для меня, мы с Валерием Владимировичем по ощущению сегодняшнего дня во многом совпадаем. Да вот хотя бы последнее бытийное впечатление. Позавчера я приехал из Харькова, из дружественной, простите, нам страны Украины. Харьков - крупнейший промышленный центр. Но сегодня на тракторном заводе, которым еще вчера мы все гордились, работает только одна ветка, выпускающая танки для продажи в Ирак. В городе действуют гигантские рынки, полностью криминализованные. Тысячи молодых людей, махнув на невозможность более-менее сносной работы, идут в бандиты. Это те, кто будет строить страну завтра. Так вот, я задаюсь вопросом: кто же увидит картину "Цирк сгорел..."? Кто будет размышлять над тем, во что авторы вложили душу, сомнения, надежду? Будет наш кинематограф, кинопрокат гибнет. Министр Задорнов объявил недавно, что на будущий год под кино не будет дадено ни рубля. Нынче покупать и прокатывать отечественную продукцию невыгодно. Страшно, но мы отучаемся смотреть наши фильмы, и серьезные достижения кинематографа будут прозваны целым поколением. Обидно и горько.

- Николай Петрович, для моего ликбеза - ваш самый первый выход на сцену?

- О, ни за что не догадаетесь. "Женитьба Фигаро", "Комеди Франсез".

- Шутите, как вы туда попали?

- Как раз все просто. "Комеди Франсез" приехал на гастроли в Москву, и в целях экономии не взяли с собой артистов, занятых в массовых сценах. Вот мне и повез-

Янковского жена - актриса, вот и ваша жена служит у Марка Анатольевича. Она не ревнует вас?

- Знаете, мое счастье, что она актриса. Когда-то давно теща увидела меня в одной картине и говорит так с подковыркой: "Что это наш Коленька в кино-то делает?" Я говорю: "Работа такая". А она: "Ин-те-ресная у него работа..." (С издевкой, смеется.)

- Я слышал о каком-то творческом проекте с Аленом Делоном. Было да сплыло. Денег - ек. Мы придумали фильм-концерт-интервью о любви.

- Никогда не возникало ощущения, что зритель от вас немного устал, начинает вас забывать?

- Знаете, я живу с этим ощущением, и не дай Бог такое начнется.

- И сейчас?

- Всегда - и десять, и пятнадцать лет назад. От этого артисты спиваются, сходят с ума, озлобляются.

- С кем играли последние партии в теннис? И когда?

- Да на днях с Дмитрием Задорновым, мастером спорта Украины.

- С Коржаковым давно не тягались?

- Где-то полгода назад в Батуми, на турнире "Большая шляпа".

- Вы не дама, вас можно и спросить: годовое не боитесь, возраста, болезней?

- А "Виагра" на что?! Вижу ваши блуждающие глаза, не волнуйтесь, а все остальное приложится.

- По результатам вашей работы, по фильмам, спектаклям, концертам видно, что шутки для вас - это 25 часов. Не жалуете себя?

- 10 лет не был в отпуске. В этом году по настоянию близлежащих, стоящих, сидящих родственников поехал в Испанию. И когда я произнес там какое-то "неприличное" слово типа Музей Прадо, тут же от друзей получил аперкот: "Коля, вот море, вот теннис, вот вкусно поесть. Никаких газет, никаких новостей, только лежать. Дальше километра не двигаться - там дискотеки, бары, казино, там плохо. Там тебя узнают наши. Испанцы тебе не опасны. Спи". И я уснул.

Феликс Медведев, фото Ларисы Кудрявцевой